

УДК 294.3:(571.151)"170/190"

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЛАМАИЗМА
НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЕ-САЯНСКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

А. А. Насонов, А. И. Мартынов

**FOREIGN FACTORS OF LAMAISM EXPANSION IN THE ALTAI-SAYAN REGION
IN THE LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES**

A. A. Nasonov, A. I. Martynov

В статье рассматриваются долговременные и среднесрочные внешнеполитические факторы, которые способствовали усилению влияния ламаизма на территории Алтае-Саянского региона на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова: ламаизм, буддизм, бурханизм, прозелитизм, Алтае-Саянский регион.

In the article lasting and medium-term foreign geopolitics factors of Lamaism expansion activization in Altai-Sayan at the turn of the XIXth – XXth centuries are considered.

Keywords: Lamaism, Buddhism, Burkhanism, proselytism, the Altai-Sayan region.

Исторически Алтае-Саянский регион являлся частью тюркско-монгольского мира Центральной Азии. Несмотря на включение этих территорий в состав Российской и Цинской империй в XVII – XVIII вв., ввиду отсутствия четко установленной границы между этими государствами, этнического и языкового родства коренного населения, близость культур и хозяйственного уклада продолжала сохраняться. Большинство событий, произошедших в XVII – XIX вв. вблизи границ России, имело ощутимые последствия не только для характера международных отношений этого периода времени, но и повлияло на внутрисосийскую обстановку в последующие столетия.

В 1904 г. на территории Алтая впервые публично проявилось бурханистское движение. Значительная часть инородцев, вместо прежнего лояльного поведения, начали отказываться от предметов русского происхождения, перестали употреблять русский язык, скупая порох, чай и ткань желтого и синего цветов. Одновременно с этим прошел слух, что «калмыки» приняли новую веру и собираются на массовое моление, а также совершают вооруженные нападения на русское крестьянское население. Деятели Алтайской духовной миссии активно стали указывать на наличие в происходящих событиях японского следа, увязав бурханистское движение с Русско-японской войной 1904 – 1905 гг. Эти события заставили томское губернское начальство обратить внимание на алтайские волнения. Собравшихся на моление инородцев разогнали силами местных крестьян и небольшой группы полицейских чинов под руководством бийского уездного исправника В. И. Тукмачева. Однако в 1906 г. публичный суд над предводителями бурханистов завершился оправдательным приговором [1, с. 64 – 65].

Проблематика сущности и истории бурханизма традиционно является дискуссионной. На сегодняшний день в научном сообществе высказываются диаметрально противоположные точки зрения по данному вопросу: от представлений о бурханизме как о политеистической хтонической духовной системе до мнения, базирующегося на признании данного религиозного движения как направления тибето-монгольс-

кого буддизма (ламаизма). По мнению авторов данной статьи, характеризуемые события стали частным проявлением глобального многовекового процесса распространения буддийского учения в северном направлении и взаимодействия его доктринальных основ с религиозными представлениями и социально-политическими институтами аборигенного населения. Бурханизм внешне по форме приобрел ряд черт христианского вероучения (в частности, мессианские воззрения), однако по содержанию предлагал интерпретацию буддийских постулатов. Так, в бурханистском учении проявился культ перерожденцев, не отрицались, а, наоборот, постепенно включались в формирующийся пантеон положительные сверхъестественные существа анимистического происхождения, что было типично для механизма распространения и внедрения буддизма и т. д.

В отечественной историографии религиозных трансформаций на территории Алтае-Саянского региона второй половины XIX – начала XX вв. традиционно делается акцент на характеристику внутрисосийских социально-политических и этнокультурных факторов проникновения и распространения ламаизма, тогда как внешние условия, как правило, описываются фрагментарно и не комплексно, их анализ чаще всего сводится к упоминанию нахождения южно-сибирских этносов в составе Джунгарии и насильственному насаждению буддийского учения среди них. Между тем отсутствие системной характеристики этих условий не позволяет ответить на вопрос о разной степени укоренения ламаизма в Забайкалье и среди алтай-кижи, телеутов и хакасов.

Рассматривая внешнеполитические факторы распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона в конце XIX – первой трети XX вв., в первую очередь, необходимо проанализировать наиболее долгосрочный из них – маньчжурское завоевание монгольских ханств в XVII – первой половине XVIII вв. и различия в их положении в составе Цинской империи в XVIII – XIX вв., поскольку именно они скорректировали ход распространения ламаизма в указанный период времени.

Повсеместное принятие ламаизма монгольскими этносами началось с конца XVI в. Однако данный процесс протекал одновременно с потерей монголами независимости. После провозглашения в 1616 г. маньчжурским предводителем Нурхацзи династии Поздняя Цинь (в 1636 г. его преемником Абахаем она переименована в «Цин») была развернута агрессивная внешняя политика. Для того чтобы обезопасить себя от войны на два фронта во время захвата Минского Китая, маньчжуры в первой половине XVII в. приступили к покорению Южной Монголии. В следующие десятилетия была установлена гегемония над Халха-Монголией [2, с. 126 – 152]. В целом присоединение этих территорий не встретило ожесточенного сопротивления со стороны аристократии и основной массы простого населения. Маньчжуры, используя тактику дипломатического давления, ультиматумов, грабительских вылазок и карательных походов, союза с одними политическими объединениями монголов против других, продемонстрировали превосходство над противником. Вхождение этих частей Монголии в состав формирующейся Цинской империи было относительно быстрым и не столь болезненным, хотя, безусловно, повлекло потерю политической самостоятельности.

Иной характер имел переход территории западных монголов под власть маньчжуров. Центристские тенденции, характерные в целом для всей Монголии на рубеже XVI – XVII вв., приобрели реальное воплощение в создании влиятельного и боеспособного государственного образования – Ойратского (Джунгарского) ханства в 1635 г. Захватывая казахские пастбища, вмешиваясь во внутритибетские дела, оно стало одним из активнейших участников международных отношений на территории как Средней, так и Центральной Азии. Подчинение Джунгарии потребовало от Цинской империи затраты значительных ресурсов и затянулось более чем на столетие [3].

После ожесточенного противостояния, будучи ослабленным междоусобными конфликтами, государство западных монголов было разгромлено маньчжурами в середине XVIII в. Режим, установленный на захваченных территориях ойратов, отличался от других районов Монголии. Он носил жесткий военно-административный характер. Маньчжуры избрали тактику поголовного террора. Иноземной администрацией было упразднено племенное деление и введена система территориальных владений, которые возглавляли назначенные военные управляющие. Ойраты были обязаны поставлять воинов в цинскую армию. Этносы, находившиеся в вассальной зависимости от западных монголов, стремились избежать такой участи. Именно поэтому, в частности, население Горного Алтая стало тяготеть к России и официально перешло в русское подданство в 1756 г. [4, с. 168].

Последующий период маньчжурского господства в Монголии (XVIII – начало XX вв.) отличался применением разных методов предотвращения сепаратизма. Для северных и южных районов применялись меры контроля со стороны местной китайской администрации, на джунгарской территории их дополняла политика заселения территорий ханьцами. В период вассальной зависимости от Цинской империи окончательно оформилась иерархия монгольского ламаист-

ского духовенства, во главе был поставлен Джебцун-Дамба-хутухта. Маньчжурский Пекин придерживался традиционного принципа «управлять соседними народами согласно их обычаям». Общемонгольской силой, на которую они опирались при проведении собственной политики, было ламство, тогда как светская политическая структура оставалась децентрализованной [5, с. 75 – 77].

Основным «плацдармом», с территории которого осуществлялись проникновение и распространение ламаизма в районы Алтае-Саянского региона в XVII – первой половине XVIII вв., было Ойратское ханство, тогда как в Забайкалье северный буддизм проникал из Халхи. Различия во вхождении разных частей Монголии в состав Цинской империи привели к тому, что в первом случае интенсивность влияния резко упала, но не прекратилась, а во втором – продолжала оставаться на прежнем уровне. Жесткие карательные меры цинского правительства чрезвычайно ослабили не только политическую элиту Джунгарии, но и все население. Поддержка аристократии являлась одним из главных условий утверждения и укрепления институтов ламаистской церкви. В этом смысле возможности целенаправленного влияния Джунгарии как очага, из которого насаждалась рассматриваемая мировая религия в пределах Алтае-Саянского региона, были подорваны.

Помимо государственного покровительства, другим важнейшим «звеном» механизма распространения ламаизма являлось восприятие его постулатов основной массой населения. Оно было залогом включения ламаистских элементов в духовную и материальную культуру этноса, социально-экономические отношения. Именно эта форма воздействия ламаизма на коренное население Алтае-Саянского региона сохранялась, хотя и не являлась определяющей для всех его районов и этносов. Она была характерна, в первую очередь для Горного Алтая [6, с. 355] и, по некоторым данным, для Минусинской котловины [7, с. 103 – 104].

Во второй половине XIX в. ситуация претерпела изменения. В Цинской империи стали наблюдаться кризисные явления, связанные, в первую очередь, с вмешательством европейских держав и неудачей политики «самоусиления». Одним из следствий этого стало нарастание сепаратистских тенденций на ее окраинах. Проявились они и в Монголии. Национальное движение за независимость возглавило ламаистское духовенство, которое, имея строгую иерархию, являлось не только влиятельной духовной, но и политической силой. С 1911 г., после провозглашения независимости Внешней Монголии, начался непродолжительный период существования монгольского теократического государства, управляемого верховным ламаистским иерархом Богдо-гэгэном [8, с. 59 – 64].

Ослабление Цинской империи и борьба за независимость Монголии оказали влияние на процесс распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона. Упрочив свои позиции, буддийское духовенство стремилось интенсифицировать вероисповедную экспансию в тюркско-монгольском мире. Ламство северо-запада Монголии усилило проповедническую деятельность в приграничных районах. Ее проводником являлись торговые и родствен-

ные отношения алтайских этнических групп и монголов. В источниках были зафиксированы примеры таких контактов. В частности, о них сообщали этнографы, исследовавшие народы Южной Сибири. А. Г. Данилин упоминал, что приобщение телеутов к бурханизму зимой 1911 г. началось с поездки к ламам, прибывшим в Верх-Чергу. Монгольские священнослужители подарили телеутским посланникам «наштампованные красной краской традиционные буддийские молитвы», «дали по монгольскому изображению "бурхана"» [9, л. 4 – 5]. А. В. Анохин, после поездки к алтайцам в 1914 г., отмечал, что в бурханизме появились новые культовые атрибуты («изображения в виде идолчиков, четки, подсвечники, чашечки, заменяющие лампадки») [10, л. 21].

Итак, маньчжурские завоевания в Северной и Центральной Азии, а затем формирование Цинской империи в XVII – первой половине XVIII вв. привели, с одной стороны, к ослаблению северо-западного направления экспансии ламаизма ввиду последовавших карательных мер после подавления ожесточенного сопротивления джунгар и с другой – к сохранению интенсивности проникновения из Халхи в Забайкалье. Затем Внешняя Монголия, где центробежные силы были наиболее сильны, ввиду постепенной утраты китайским правительством контроля над национальными окраинами к концу XIX в. из-за внутреннего кризиса и вмешательства государств Западной Европы, США, Японии и России, стала очагом распространения ламаизма уже и на территории Алтае-Саянского региона.

Другим фактором, тесно связанным с предыдущим, являлось фактическое отсутствие четко определенной и обустроенной границы между Российской и Цинской империями. История русско-цинских дипломатических отношений берет свое начало в XVII в. Задачей России было установление равноправных двухсторонних отношений для прочного хозяйственно-экономического закрепления в Сибири и на Дальнем Востоке. Вести полномасштабные боевые действия в случае обострения ситуации царское правительство не имело возможности. Власти Маньчжурского Китая стремились не допустить появления претендента на территорию, считавшуюся ими сферой исконного влияния, – это, в первую очередь, Джунгарское и Яркендское (Кашгарское) ханства, южное Приамурье.

Линия границы между Россией и Цинской империей была установлена только в 60-х гг. XIX в. Пекинский дополнительный протокол от 2 ноября 1860 г. определил два участка границы: восточный – по рр. Амур и Уссури, и западный – в Центральной Азии. При этом объекты для размежевания на первом из них оговаривались более подробно (это, главным образом, были реки), а во втором – пограничная линия была нанесена весьма условно и привязывалась к естественным природным преградам (озерам и горным системам), а также китайским пикетам. Кроме этого, в договоре оговаривались принципы организации торговли и дипломатических сношений на разных уровнях [11, с. 34 – 40]. С этого времени был запущен процесс детального и предметного уточнения, какие земли стоит официально считать китайской террито-

рией, а на какие распространяется юрисдикция царского правительства России.

25 сентября 1864 г. уполномоченными посланниками обоих государств был подписан Чугучакский протокол о размежевании русско-китайской границы. Для обозначения «границной межи» между двумя империями был принят за основания водораздел, так что все земли, по которым текли реки на восток и на юг, отходили Китаю, а те территории, где течение рек было в западном и северном направлении, считались российскими [11, с. 46 – 49].

Как мы видим, линия границы между Цинской и Российской империями была установлена только во второй половине XIX в., и то весьма схематично. Следовательно, в предыдущий период не существовало препятствий административного плана для распространения ламаизма в Сибири с монгольских территорий, находящихся в составе Китая. Вместе с тем подписание Пекинского дополнительного договора и Чугучакского протокола скорее преследовало цель устранить разногласия в определении принадлежности территорий, нежели полностью исключить перемещение населения. Оговаривалась возможность торговых операций. В итоге южные пределы России фактически были открыты для буддийского мира Центральной Азии.

На рубеже XIX – XX вв. возросло значение буддийского фактора в российской внешнеполитической деятельности. В условиях постоянно нарастающих темпов соперничества в азиатском регионе европейских держав приверженность к буддийскому вероисповеданию отдельных народов (бурят, калмыков), проживающих на территории Российской империи, позволяла военному и дипломатическому ведомствам использовать дополнительные инструменты воздействия на ситуацию. В частности, российские и британские геополитические интересы вплотную столкнулись в Тибете. Противостояние этих двух держав было названо в западной историографии «Большой игрой» [12, с. 3 – 14]. В этом смысле соперничество России и Великобритании было продолжением борьбы в других регионах Азии (в Иране и Туркестане), выражавшейся в стремлении не допустить даже возможности влияния конкурента в традиционной зоне экономических и политических притязаний.

Англичане со второй половины XIX в., используя как плацдарм территорию Северной Индии, стремились всеми возможными способами проникнуть в Тибет. Британское правительство предприняло эти действия для налаживания каналов поставки золота и серебра, а также для использования центрально-азиатских территорий с целью дальнейшей экономической экспансии во внутренние районы Китая [13, с. 10 – 12].

Россия, желая не допустить усиления позиций Великобритании в этом регионе, в первое десятилетие XX в. интенсивно противодействовала англичанам различными способами. Среди них были дипломатические демарши и провозглашение дипломатических нот [13, с. 116], поддержка в Лхасе пророссийской группировки во главе с Агваном Доржиевым, а также снаряжение исследовательских экспедиций по инициативе Императорского Русского географического

общества и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии [14, с. 354 – 380].

В данной ситуации целью императорской администрации вряд ли было установление военного и экономического господства в Тибете, как это было, скажем, с Монголией или Маньчжурией, находящимися ближе географически и имеющими для России, несомненно, большее стратегическое значение для укрепления ее позиций на Дальнем Востоке. Российские правящие круги стремились сохранить тот статус-кво, который наблюдался в регионе в прежние годы, а именно: изолированность Тибета от воздействий третьих стран и сохранить его вассальное положение в составе Цинской империи [15, с. 99 – 109].

Этим обстоятельствам фактически подчинялся межгосударственный уровень вероисповедной политики России в ее буддийском аспекте. В 1904 г., после вторжения английских отрядов в Гималаи и взятия Лхасы, теократический правитель Далай-лама XIII со своими приближенными вынужден был выехать и временно обосноваться в Урге, политическом центре Халхи [16, с. 132]. Это знаменательное событие только укрепило умонастроения монголов, стремящихся к независимости и восстановлению собственной государственности, в том числе посредством распространения ламаизма. К тому же Россия оказывала негласную поддержку тибетскому первоиерарху.

В итоге сдержанная протибетская политика России в Центральной Азии, имеющая целью сделать безрезультатным британское вторжение, косвенно демонстрировала покровительство буддийскому вероучению и духовенству.

Вместе с тем непосредственное воздействие на активизацию ламаистской экспансии в рассматриваемом регионе оказало участие России в колониальном разделе сфер влияния в Китае. Если российские геополитические интересы в Центральной Азии пересекались с колониально-экспансионистскими планами Великобритании, то на Дальнем Востоке они столкнулись с японскими претензиями на господство в Маньчжурии и Корее. В 1904 г., как известно, обострение этих противоречий привело к войне, которая оказалась чрезвычайно тяжелой для России и закончилась ее поражением. Данные события повлияли и на процесс распространения ламаизма на территории Алтае-Саянского региона. Японский фактор в определенной степени дестабилизировал ситуацию в стране, став одной из причин революции 1905 – 1907 гг. В нашем случае, активные боевые действия на Дальнем Востоке совпали с бурханистским движением в Горном Алтае.

На присутствие «японского следа» в национально-религиозных брожениях инородцев указывали деятели Алтайской духовной миссии. Анализируя ситуацию, сложившуюся на Алтае во время бурханистского движения, архимандрит Иннокентий в письме Бийскому епископу Макарию 3 мая 1904 г. писал: «Как и следовало ожидать, русско-японская война породила на Алтае смуту политического характера. Дело началось с появления в вершине р. Ябатаны трех личностей неизвестной национальности, говорящих по-алтайски. Из которых один назвал себя Ойрот-ханом, освободителем алтайского народа от русского подданства. Зайсаны поставили им несколько юрт, окру-

жили небывалым почетом, и тут началась действительная пропаганда, явно направленная к возмущению инородцев против своего правительства и алтайской миссии» [17, л. 5]. 23 мая Иннокентий в донесении приставу пятого стана Бийского уезда В. Ф. Бучинскому сообщал, что «... на Алтае, в вершине реки Кайрлыка, три дня тому назад явно появилась военно-политическая агитация со стороны трех личностей неизвестной национальности, но монгольского типа...», замечая при этом, что «один из упомянутых агитаторов прямо-таки называет себя Ойрот-ханом, царем-освободителем алтайцев от подданства России» [17, л. 70 – 70 об.].

В 40-е – первой половине 80-х гг. XX в. в советской историографии также доминировали оценки бурханистского движения как сепаратистского явления. В частности, на особую роль его прояпонской направленности указывал Л. П. Потапов, утверждая, что бурханизм следует считать «реакционным националистическим движением, т. к. он ориентировался на отрыв Алтая от России, на переход алтайцев под протекторат Японии» [18, с. 412].

Следует заметить, что в рассмотренных оценках намеренно преувеличивалось значение рассматриваемого фактора. Существование «японских шпионов», их деятельность на Алтае, потворство сепаратистским воззрениям среди коренного населения – все это не было подтверждено ни при расследовании причин появления и обстоятельств разгона коллективного моления бурханистов [19, с. 190 – 193], ни при последующих изысканиях этнографов [20, с. 65 – 69]. Высказывания деятелей Алтайской духовной миссии можно объяснить стремлением воздействовать на местные власти. Миссия желала пресечь проповеднические действия ламства с соседней монгольской территории, находившейся в составе Цинской империи, силами губернских органов правопорядка. Тем самым она рассчитывала ослабить позиции опасных вероисповедных конкурентов. В свою очередь, оценки советских авторов указанного времени были продиктованы идеологическими мотивами.

Вместе с тем не стоит недооценивать значение данного внешнеполитического фактора. В этой связи примечательным видится мнение Г. Д. Няшина, изложенное им в докладе на заседании Алтайского географического общества 16 апреля 1930 г. Исследователь дал следующую трактовку роли японского фактора в ходе бурханистского движения: «И (т. е. алтай-кижи. – А. Н. и А. М.) были два царя известны – сильный царь китайский («Кыдат-Каан») и еще более сильный – «с шести десятка народов дань берущий» русский царь («Ак-Каан»); японский же царь, неизвестно откуда явившийся и одолевший русского царя, напомнил им об Ойроте, который давно ушел от них, но обещал вернуться со славою и избавить их от всяких бедствий» [21, л. 8]. И действительно, неудачи царского правительства в войне имели огромный резонанс в обществе. А с точки зрения традиционного религиозного сознания, эти события могли восприниматься как утрата властью благоволения сверхъестественных сил. Вспомним, например, представления о мандате Неба, в которых внешние вторжения, стихийные бедствия и народные волнения отождествлялись с потерей доверия высшего небесного начала.

Подводя итог, отметим, что во второй половине XIX – первой трети XX вв. внешнеполитические факторы сформировали благоприятные исторические условия для распространения ламаизма в Алтае-Саянском регионе. Особенности маньчжурского завоевания разных регионов Монголии способствовали снижению интенсивности экспансии этого вероучения в Горном Алтае и Минусинской котловине ввиду поражения Джунгарии и террора против ее населения. Однако в районах Забайкалья динамичное проникновение продолжалось из-за относительно быстрого и менее болезненного включения Халхи в состав Цинской империи, к концу XIX в., с ослаблением Маньчжурского Китая, постепенно утрачивавшего контроль над подвластными территориями, и ростом монгольского сепаратизма, лидирующие позиции в котором заняла ламаистская церковь. Внешняя Монголия упрочила свои позиции как центр распространения ламаизма. Теперь, помимо сохранявшихся и ранее контактов, участились проповеднические акции на территории Горного Алтая. Эти долгосрочные обстоятельства усиливались отсутствием границы между Россией и Цинской империей, которая, ввиду традиционалистской позиции китайских ведомств и своей протяженности, не была обозначена вплоть до 60-х гг. XIX в.

В ходе ламаистского внедрения на рубеже XIX–XX вв. в систему общественных отношений этносов Алтае-Саянского региона к этим факторам добавилась обстановка, сложившаяся вокруг ситуации в Тибете, и покровительство России Далай-ламе XIII. Падению авторитета царской власти, в том числе среди населения окраин империи, способствовали поражения в Русско-японской войне. Военные неудачи были интерпретированы традиционным религиозным сознанием по-своему, в качестве одного из знамений возвращения легендарного правителя Ойрот-хана и как утрату императором благоволения свыше.

Литература

1. Насонов, А. А. Влияние буддизма и христианства на формирование вероучения бурханизма в ходе процесса синкретизации на территории Алтае-Саян в конце XIX – начале XX вв. [Текст] / А. А. Насонов // Мир Евразии. – Горно-Алтайск, 2010. – № 2 (9).
2. Мясников, В. С. Китай и Монголия [Текст] / В. С. Мясников, Н. В. Шепелева // Китай и соседи в новое и новейшее время / отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982.
3. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758 гг.) [Текст] / И. Я. Златкин. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983.
4. Моисеев, В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерки внешнеполитических отношений) [Текст] / В. А. Моисеев. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998.
5. Скрынникова, Т. Д. Основные тенденции в развитии ламаистской церкви Халхи XVIII – начала XIX вв. [Текст] / Т. Д. Скрынникова // Источниковедение и историография буддизма: страны Центральной Азии: сборник статей / отв. ред. Р. Е. Пурбуев. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986.
6. Радлов, В. В. Из Сибири. Страницы дневника [Текст] / В. В. Радлов; / отв. ред. С. И. Вайнштейн. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1989.
7. Бутанаев, В. Я. История возникновения и формирования бурханизма у хакасов [Текст] / В. Я. Бутанаев // Сибирь в панораме тысячелетий: (материалы Международного симпозиума) / отв. ред. И. Н. Гемуев. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 2.
8. Кузьмин, С. Л. Последний великий хан Монголии [Текст] / С. Л. Кузьмин, Ж. Оюунчимэг // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 1.
9. Архив Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 12.
10. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80.
11. Русско-китайские отношения (1689 – 1916 гг.): официальные документы [Текст] / отв. ред. Л. И. Думан. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
12. Сергеев, Е. Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX вв.: новый взгляд [Текст] / Е. Ю. Сергеев // Российская история. – 2011. – № 5.
13. Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914 [Текст] / отв. ред. Е. А. Белов. – М.: Восточная литература, 2005.
14. История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. [Текст] / под ред. А. А. Кожуховской и др. – М.: Восточная литература, 1997.
15. Белов, Е. А. Тибетская политика России (1900 – 1914 гг.). (По русским архивным документам) [Текст] / Е. А. Белов // Восток. – 1994. – № 3.
16. Андреев, А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России [Текст] / А. И. Андреев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2006.
17. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 12. Д. 688.
18. Потапов, Л. П. Очерки по истории алтайцев [Текст] / Л. П. Потапов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
19. Приговор Томского окружного суда по делу о кочевых калмыках Чете Челпанове и других от 31 мая 1906 г. [Текст] // Бурханизм. Документы и материалы / сост. Н. А. Майдунова, Н. А. Тадина. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1994.
20. Тюхтенева, С. П. «Японский след» в алтайском бурханизме: вымысел или реальность? [Текст] / С. П. Тюхтенева // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4.
21. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-486. Оп. 1. Д. 18 а.